

Интернациональный
Союз Писателей

ЗАЩИТНИКИ

Группа ИСП
ВКонтакте

Валентина Спирина Защитники. Группа ИСП ВКонтакте

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41258774
ISBN 9785449637277*

Аннотация

«Защитники» – сборник, как можно догадаться из названия, посвящается празднику 23 февраля – Дню Защитника Отечества. В сборник вошли произведения, охватывающие большой временной отрезок истории нашей страны, поэтому и герои произведений очень разные, но каждый из них – герой, патриот – Защитник. С наступающим праздником, дорогие мужчины. Низкий поклон вам за ваше мужество и за мирное небо над головой.

Содержание

Интернациональный Союз Писателей	5
Елена Наливина	7
С Днём защитника Отечества!	7
Константин Гречухин	12
Тельняшка	12
Гетта Маркеловская	26
Тайна воинов Руси	26
Мы – Божья армада	27
Какие они: Защитники?!	29
Звёзды отваги	30
Елизавета Осень	31
Три танкиста	31
Екатерина Черняева	33
Защитникам Аджимушкая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Защитники

Группа ИСП ВКонтакте

Составитель Валентина Спирина

Дизайнер обложки Валентина Спирина

© Валентина Спирина, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-3727-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Интернациональный Союз Писателей

Международный (Интернациональный) Союз писателей, поэтов, авторов-драматургов и журналистов является крупнейшей в мире организацией профессиональных писателей. Союз был основан в 1954 году. До недавнего времени штаб-квартира организации находилась в Париже, в данный момент основное подразделение расположено в Москве.

В конце 2018 года правление ИСП избрало нового президента организации. Им стал американский писатель-фантаст, лауреат литературных премий Хьюго, «Небьюла», Всемирной премии фэнтези и других – Майкл Суэнвик.

<https://t.me/inwriter>

<https://vk.com/inwriter>

<http://inwriter.ru>

<https://web.facebook.com/groups/soyuz.pisateley>

Важно! Произведения в данном сборнике не рецензируются и публикуются в авторской редакции.

Елена Наливина

С Днём защитника Отечества!

– Мамааа!

Каша всё-таки убежала. Я метнулась на кухню. Пятилетняя Катюша скакала у плиты, любуясь шипящей кастрюлей. Одновременно сдвинула дочь с дороги и остатки каши с конфорки. Опять тереть плиту, а я только вчера сделала маникюр.

– Маам!

Резко развернулась и чуть не сшибла сына – третьеклассника с тетрадным листочком в руках.

– Мам, послушай:

Мой папа, милый, дорогой!

Я очень-очень горд тобой.

Попыталась сосредоточиться. Данила подает литературные надежды. Так сказала на собрании учительница Анна Николаевна, и «вы должны слушать ребенка».

– Хорошо. Что дальше?

– Дальше я пока не сочинил. Как думаешь, ему понравится?

– Обязательно!

– Мамааа!

На этот раз вопль незаметно исчезнувшей с кухни Катюхи донесся из спальни. Я бросилась туда. Сын за мной. Навстречу по коридору пролетел Швондер, чуть не сбив нас с ног. Красные глаза, шерсть дыбом, хвост трубой. Швондер – сиамский кот. Вообще-то он Маркиз, но муж прозвал этого мерзавца Швондером, потому что периодически хотел его придушить. Вот такая странная «булгаковская» ассоциация.

Дочь стояла у подоконника, на котором валялись жалкие останки моей недавно распустившейся фиалки. Руки в земле, на ресницах большие искрящиеся капли – предвестники рыданий.

– Мама, – с театральным надрывом произнесла Катюша, протягивая мне изжёванный синий цветочек, – это он съел!

– Доча, ничего страшного. Успокойся. Вырастет ещё. Иди, принеси веник и совок, надо собрать землю, – я попыталась переключить ребёнка на конструктивное действие.

Катя вытерла ладони об платье и деловито направилась выполнять задание.

Из ванной раздался мелодичный перезвон.

– Мам, машинка достирала, – доложил Данила.

– Я слышу!

Сын вздрогнул. Мысленно упрекнула себя за слишком громкий голос. Действительно, ребёнок не виноват в том, что омерзительный звук стиральной машинки вызывает у меня раздражение. Интересно, кому пришло в голову запи-

сать эту мелодию в качестве позывного при окончании стирки?

Дочь с веником явно где-то задержалась.

– Мамааа!

Примчавшись на кухню, обнаружила вылезавшее из кастрюли тесто и Катю, старательно запикивающую его обратно не отмытыми от земли руками. Веник валялся рядом.

Точно. Я же пирожки собиралась испечь. Мужу и сыну на праздник. Совсем забыла.

Оторвала ребёнка от теста и повела в ванную мыть руки. В это время зазвонил мобильник.

– Мам, бабушка, – секретарь Данила уже посмотрел на экран.

– Сынок, ответь, пожалуйста. Скажи, что я перезвоню.

Сквозь шум воды было слышно, как Данила зачитывает моей маме своё новое стихотворение.

Вытерла руки, свои и Катюшкины, захлопнула дверь в спальню с рассыпанной землей, чтобы Швондер не довершил начатое грязное дело, и взяла трубку.

– Ты почему отцу не звонишь поздравить?

– Мам, позвоню. Мне некогда пока.

– Тебе всегда некогда. А он полковник, между прочим. И это его праздник. Все уже поздравили. С утра ещё. Кроме единственной дочери.

– Мама, позвоню! Сейчас разберусь с детьми и позвоню.

– А дяде Коле ты не звонила?

О, Господи! Ещё и дядя Коля. За что?!

– Мама! Передай дяде Коле от меня поздравления!

– Ладно, – из трубки раздались короткие гудки.

Обиделась. Какая у неё невнимательная дочь. Забыла про дядю Колю и родного отца-полковника.

– Мама, а когда каша будет?

Я же детей завтраком так и не покормила. Отправилась на кухню. Подобрала веник, упихала в кастрюлю тесто, в темпе вальса наваяла сырников. Усадила мелких за стол, налила им чай. Пока они ели, подмела землю в спальне, дала любопытному Швондеру веником по ушам, развесила бельё.

– Мам, тесто опять вылезло, – Катя была тут как тут.

– Да, дочка, сейчас иду.

И тут я вспомнила, что где-то здесь, в квартире, должен быть мой защитник.

Заглянула в гостиную. Муж сидел за ноутбуком и яростно рубился в какую-то игрушку.

– Костя, – ласково позвала я.

Заподозрив неладное, он оторвался от клавиатуры.

– Что, Настён?

– Костя, ты сейчас оденешь Катю, возьмёшь ватрушку и пойдёшь с ней кататься с горки. Один час.

– Настясяя, – затынул любимый, – у меня же сегодня праздник. День защитника. Меня надо поздравлять и всячески ублажать.

– Костя, поздравляю! Да, ты защитник. А я кто?!

– Как кто? – искренне удивился муж. – Ты щит!

Я даже опешила:

– В смысле?

– Ну как? Ты щит, закрываешь собой всю нашу семью. А я защитник. За щитом. То есть за тобой.

Вот это наглость!

Муж рассмеялся, захлопнул ноутбук, встал и обнял меня.

– Костя, – угрожающе произнесла я, – ты пирожков на праздник хочешь?

– Да иду я уже, иду.

Через полчаса, выпроводив за дверь мужа с дочерью, я раскатала тесто и принялась умиротворенно лепить пирожки. Швондера нигде не наблюдалось. Наступила благословенная тишина.

– Мама! Я дальше сочинил! Слушай!

Я подскочила на стуле. Чёрт! Папе-полковнику забыла позвонить!

Константин Гречухин

Тельняшка

Стояли дни особенно злобной осени: заполняющая серой массой все видимое пространство, с утра до ночи ноющая и временами сильно завывающая от пронизывающего до костей ветра, несущего мороз совсем еще не подготовленной для этого природе. В это время никак не ожидаешь такой погоды. И она как-то творчески пытается использовать появившуюся возможность показать свою натуру и права, и будто бы дает первые предупреждения о надвигающихся кошмарах.

Без перчаток руки замерзали, и, при случае, приходилось их засовывать в карманы, хоть я этого и не люблю.

Что и говорить, а настроения никакого не было. Хорошее не давалось, а плохое я старался отгонять. Но получалось неважно. Состояние какой-то перманентной рефлексии. Наверное и было от чего, но точно ни к чему. Однако, борьба давалась сложно.

Может оттого я и ехал в такую погоду в монастырь. В Даниловский. Других я не посещал в то время, да, откровенно говоря, и не интересовался на этот счет, а этот был самый первый куда я подался после увольнения из армии. И встре-

тил там довольно интересного священника, который привлек меня к себе, в первую очередь своим внешним видом: высокий, несколько сутулый, будто стесняющийся своего роста, в очках и не то орлиным, не то довольно изогнутым носом. В любом случае это ему шло. Как и очки. Весь его вид подталкивал сознание подвести его под категорию ученого. Которым он на деле и оказался. Отец Иоасаф – он много давал лекций не только в России, но и Европе.

А посоветовала его мне женщина в очереди на исповеди, когда я одолевал всех вокруг вопросами к какому священнику лучше подойти, так как вечером после службы их было очень много.

Оказалось, что к нему мне было лучше. Наверное потому, что дальше в жизни я хотел заниматься наукой. А внешние атрибуты на меня очень воздействовали. Не знаю, тоже, хорошо это или плохо. Может быть эти эмоциональные ожидания так и бросают нас или в хорошее или в плохое. Сложно все это. Но плохого здесь не ожидалось.

В конце исповеди отец мне сказал о том, что Он меня любит. Я задумался, точнее пытался почувствовать это. Но эту любовь как мне было понять? В любом случае, я ему поверил. Я посмотрел на икону, потом на отца Иоасафа – он на меня, видимо ждал, что я спрошу что-то. А я ничего не просил, потому что не было слов, чтобы спросить, а чувства я выразить не мог, или было сложно. Но было какое то ощущение, что я чего то не понимал. А просто хотел, что-

бы разом решились все мои проблемы. Как многие скажут – новоначальный.

Как бывало раздражало меня впоследствии это прозвище, которым такие «профессионалы веры» одаривали других. Как будто и не человек вовсе: Так, с другой планеты некто, пытается к «нам» войти.

Заслужить, что-ли, я перед ними какой орден должен? Или стоимость входного билета мне нужно узнать? У кого? Мне кажется, что они словно группа контроля на входе в «клубешник» осматривают твое внешнее соответствие и может быть пытаются догадаться о твоём внутреннем содержимом, только здесь уже не в плане спиртосодержащих вливаний, а наполнений идеологического характера – от «чьих будешь» до «на что способен»? Последнее, уже хуже, в плане, если последует дальнейшее углубление домыслов, которое может принять характер творческий, и довольно уже тяжело, если добавятся элементы импровизации. Тут уже, что у кого впереди бежит. При этом, с человеком лишний раз и поговорить никто не пытается: ну как же, – и так все видно.

Мне, действительно не хватало чьей-то любви. И, наверное, это было единственное, что мог мне кто-то дать. Быть может все от того, что просил или требовал какой-то особой любви? Не знаю. Или от избытка требований я сам ничего не мог дать никому? Тоже – не знаю. Но было сложно.

Переворот сознания произошедший после ухода из ар-

мии, каждый новый день, ежеминутно выдавал новые сюрпризы мыслей. Я смотрел на мир по другому, и он стал для меня другим. Чужим.

Наверное раньше я этого не видел или не замечал. Может потому, что я жил в другом мире, военном. И он вполне вероятно, не был целой картиной мироздания. Но там было комфортно, тепло и уютно. Роились мечты о будущей карьере, планы.

В то же время хотелось чего-то иного. А именно того, почему мне понравился отец Иоасаф – он был из научного мира. Меня не оставляло внутреннее ощущение какой – то тяги к этому еще не изученному мной пространству.

Так уж вышло, что первой моей мечтой было стать военным. Потом, в школе, в средних классах, меня очень заинтересовала экономика. Модные того времени тенденции давали богатую почву для таких желаний. И, наверное, не в последнюю очередь, выдвигалось желание новой жизни, красивой, успешной, той, которую ты можешь создать сам. Других примеров не было, точнее они сами собой потеряли всякую силу в лице старшего поколения. Стала особенно заметна их слабость перед позициями текущего дня и веяниями, протекающими из него.

Поэтому, примеры можно было брать и хватать только из того, что мы видели здесь и сейчас, и прямо перед собой. Сообразили мы не сразу, и не все. Так что мы именно и оказались жертвами. Не мы рушили старое, а новое создавали

как умели.

На слова преподавателей о том, что времена «остапов бендеров» пройдут мы обращали внимание со слабой надеждой на такую вероятность событий. Все никак окружающая обстановка не давала повода строить такие сценарии.

Это уже потом пришло понимание того, что основа зиждется все-же на стойких позициях былых поколений, о которых, как оказалось, мы не так уж много и знали. И вовсе не нужно строить что-то новое, если можно использовать старое.

Как впоследствии в экономической практике пришлось общаться с одним из руководителей проектного института дорог и мостов.

– Да, – говорит, – было время. Это сейчас у нас весело и у «ветерана» нашего, Мефодича, помощников во множестве.

По всей видимости одна из них с какими-то бумагами прошелестела мимо нас.

– А тогда, продолжил он, проводив ее взглядом вослед, – тут осталось нас условно пять человек, замерзающих без отопления, потому как платить нечем было. А и откуда деньги. Все ведь думали, что все вокруг само собой работает. И не нужны никакие ученые и заводы. И вот тут-то начали «у них» (он особенно выразил это, будто говоря про каких-то существ из фантастических книг) начали проваливаться дороги и падать мосты. И вдруг, появился вопрос: А почему?

И прибегают они к нам, находят уже почти замерзших и околевающих, срочно дают деньги и говорят:

– Надо все решить!

По всей видимости, это у них главная позиция в жизни. Мейнстрим.

Тут-то все и пошло в гору. Ну, а теперь, нас один из главных пап страны покупает.

Он посмотрел на меня с заметным удовольствием, и в глазах его можно было прочесть перспективы пусть и не такого прекрасного, как в былые годы, но надежного будущего.

И я не могу принять со стороны ветеранов упреки в адрес нашего поколения, что мы получили то, что хотели; что мы совсем не такие как они, как еще кто-то там в истории. Но, граждане! Нам досталось то из чего мы могли выбирать. То есть, что вы нам дали, то мы и взяли. Но на деле, это было совсем немного, иными словами в контексте рассматриваемой проблемы – совсем ничего. Ни ракет, ни спутников, которыми вы все так хвалились... Мало того, у кого-то в конце XX века, хорошо, если хлеб на столе был. А за кого то корку от него клали на полную рюмку. И таких было очень и очень много. Наверное, достоверной статистики получить руки хлебоборба никогда не смогут, но недавно где-то пробежало вскользь, что жизнью было унесено в те годы больше, чем во времена сталинских репрессий.

А накопленное достояние должны были защищать именно то поколение. НО понятно, что было сложно. Не сразу сори-

ентировались, сообразили. Но зачем на нас то теперь все перекладывать. Если не смогли передать хорошее от себя, то хотя не отнимайте своей критикой то хорошее, что пока еще есть в нас. И не винить, что мы получились такими недоделанными. Начните критику с себя самих. Растущее поколение кто-то возвращает. А если вы не стали делать нас, то мы сделали теми кем смогли. И получилось по-разному. Кто-то смог преодолеть преграды, и некоторых можно даже причислить к героям своего времени, что в такую годину испытаний сохранили и дополнили то хорошее, что было, или наоборот избавились и не приняли того плохого, что стало умножаться. А кто-то пустился по течению. И тут, уже, кого куда занесло.

А сейчас я шел и мысли роились и одолевали меня. Как со всем этим быть?

Хотелось обратно. Кто я сейчас? Был – на своем месте. Наверняка, с хорошим и светлым будущим. Сейчас – ищущий пятый угол букашка, глядящий в неизвестность и живущий своими мечтами – что они есть на деле, что могут дать после, в противовес, как сейчас казалось, довольно интересным и насыщенным впечатлениями и событиями прошлым?

Действительно, словно появилась граница на до и после... Как будто что-то резко оборвалось в сознании, мироощущении. Вот было все целостно, а тут раз, и основа пропала. И мечты, казавшиеся такими привлекательными и манящими своими перспективами, вдруг оказались... Только лишь

исчезающими мечтами, потому что сейчас как-то они вовсе таковыми не казались. Хочется, но не получается улететь в розовый небосвод. А то, что было рядом с тобой и в тебе, то самое и было главным. А о нем уже и не помечтаешь. И здесь его не обхватишь и не потрогаешь – где-то оно, где-то! Искать дальше, новое что-то создавать, придумывать? А что навидумываешь, все и так – есть как есть. Никто ничего нового не ждет. Да еще и Наверное, может правильно посмотреть на вещи надо?

Да нет, все равно там, раньше, было что-то большее или большое. По крайней мере,

Воспоминания о дружбе, о причастности к чему-то достойному не оставляли меня – особое товарищество, сплоченность и поддержка, и места унынию просто не было. Марш-броски и прыжки, полевые выходы, обычные занятия вовсе не военной тематики – все было интересно. Как гордились тем, что носим тельняшки, мечтали о будущем – куда служить попадем и кто у нас генералом станет.

За это время мы как то соединились в одно. Не то, чтобы родственниками, а родными точно стали. И не хватает порой друг друга.

Где это все сейчас... Точнее, это-то известно, а вот где я?

А с новыми знакомствами – сложно. Ты вроде от них ждешь именно «тех» отношений, а они на тебя странно поглядывают. Как они живут то здесь, вообще? Страшно.

Держат друг друга на расстоянии, общаются словно на пе-

реговорах каких-то. А разговаривают – о чем? Жутко становится. Не посмеются, не пошутят. А если и случается, то над чем? Как у классика: Над собой смеетесь. А мне так просто жалко их становилось.

А как, наверное, со стороны было жалко меня. И от такой мысли мне становилось совсем уж не по себе.

В общем, чужак. И обратного пути нет, и впереди просвета не видно. Неужели так всю жизнь жить придется? Жутко и страшно. И хоть-бы помечтать о чем-то...

Не оставалось ничего другого, кроме как вспоминать старое. Хотя, это был не выход, а в чем-то, и наоборот, но что оставалось? Душа требовала теплых чувств, и их надо было культивировать в себе, а других, получается, не было.

В то же время, чувствовалось, что где-то, что-то должно быть еще. Некий отблеск, именно, отблеск нового, потому что не могло вот так все дальше продолжаться. Так как это конец. Или я сойду с ума или это должно закончиться, прости.

Иду, укутавшись в оболочку из критики всех и всего вокруг, деления на тех и этих, вполне возможно, что поиска ответа, и вероятно на некий несформированный вопрос. Что это? Да, вовсе это не вопрос никакой, и далеко не философский, и совершенным образом не ответ искомый, как выходит неизвестно на что, а обычное состояние того, что сам не знаешь чего хочешь.

Одно сплошное разочарование и раздражение. И, пра-

вильно, только не на себя самого. Это тяжелее всего, да ко всему прочему вряд ли нужно и на себя все подряд вешать. Про смирение я как-то позже узнал, и в чем-то осознал его пользу. Вот где труд то.

А сейчас это слово произвело бы атомный взрыв глубинного сознания. Ну какое смирение может быть у военного человека? К врагам? Зачем тогда все?

Но незаметно, а смирения у военного то человека, на деле оказывается довольно много и порой незаметно для него самого. Дается оно, правда несознательно, а прививается дисциплиной с самого первого дня. И все пять лет обучения ты ждешь, что оно закончится с выпуском, с выдачей офицерских погон. Ан нет, продолжим дальше – там больше. Хотя-кому как и где как.

Но, в самом деле, эту протестную свободу мы ищем с пеленок. Детский сад, школа, институт, армия. И по прошествии каждого этапа, оглядываясь назад сознаешь, вот где была свобода, вот где лафа. Просто расслабься, ешь кашу, слушай, что говорят, сделай что просят. И отойдут от тебя, оставят в покое.

Нет же. Все не то, все не так. Не то говорите, не то делаете. Вот, когда вырасту, покажу как надо.

И что? В итоге, кому вообще все это надо?

В итоге, принцип поедания каши и умения быть послушным сохраняется на всех этапах жизни и от яслей мало отличается. Но в детстве, все этой принимается как само собой

разумеющееся, а уж после института... Простите меня, но!

А в ответ: Нет, уж, Вы послушайте меня...

Так что при таких жизненных укладах, лучше всего в детском саду.

Вот примерно с подобными мыслями о несправедливости отношений в пространстве человеческой плоскости я и приближался вдоль трамвайных путей по улице к Даниловскому монастырю.

Вдруг, вижу впереди какие то люди, крики, возгласы. Впереди идущие прохожие немного шарахнулись в сторону.

Бомжи дерутся. Они здесь всегда собираются. Людской поток в монастырь пролегает по этой улице. Так есть надежда на получение милостыни.

А он как будто выделялся среди всей этой нищей толпы, даже отделялся и стоял на коленях немного в стороне от них. И даже когда они пробегали вокруг него, даже они казалось бы чувствовали что он какой то особенный – не их.

Да, он стоял на коленях. Вид его был какого-то юродивого, словно оживший книжный исторический образ, только в одеянии нашего времени. Хотя, что это было за одеяние. И можно ли сказать, что и время наше такое же?

Черная грязная тельняшка, на правом плече которой пришит черный погон с красным просветом и пятью маленькими звездочками.

Он широко улыбался, даже смеялся, словно насмехался. Как будто вокруг него ничего не значило и не имело значе-

ния. Вроде было у него что-то, что давало ему гораздо больше даже, чем кусок того же хлеба или копейки, которые он просил, вскидывая в сторону проходящих свои руки – совершенно без пальцев.

Это были просто кисти с чуть выступавшими обрубками пальцев. И он их то прижимал к груди, то протягивал к прохожим, словно хотел ими показать нечто, что долго будет возможно выражать словами, которые, впрочем, он может и не хотел говорить. Ведь и так все должно быть понятно. Но как оказалось, не всем и не сразу. Но просящий, видимо был не особенно требователен, и если хоть кто-то поймет, то уже достаточно, так что-ли?

Он был в тельняшке. В черной тельняшке.

Я не сразу обратил внимание на этот факт, а когда прошел метров сто, меня вдруг озарило совпадение многих фактов: черная тельняшка, морской погон с красной полосой, кисти без пальцев. Да ведь без пальцев потому что, по всей видимости, оторвало их взрывом: может разминировал что-то, может еще чего. А почему разминировал, да потому что из Морской пехоты, так как и тельняшка черная и погон с красным просветом. Только морская пехота такие носит. У наших такие же были.

И, самое главное, у него глаза, взгляд – наши! Уверенность. Несмотря на его нынешнее положение. Не с наглостью, а с каким-то, даже, озорством. Которое, впрочем, пытается отвоевать огромная печаль, которая также вырывает-

ся из лучей, что рвутся из его глаз. Теплота из них идет. Не озлобленность, не крик о справедливости. А, словно, бы вопрос: Неужели, вот так?

Ой-ой. Вот ведь тоже. Мне как стыдно стало за мои переживания и стенания! О тельняшке, да берете думаю. Да как бы теплее в жизни пристроиться. А тут, боевой офицер, без рук, да на коленях. Вот кто о тельняшке говорить может!

А я тут все с хандрой своей: пожалейте бедного, места себе найти не может. И прошел ведь спокойно, и даже копейки не дал.

Мне захотелось развернуться и побежать назад, дать ему все, что есть. А потом, нашла мысль, скорее слабовольная: хорошо, на обратном пути пойду и дам.

Но как хотелось вернуться. Просто оставить, пятак, и идти дальше. И какая разница, правда или нет, что он морпех? Он не в таком состоянии, чтобы выбирать себе профессию. Морпех не морпех-человек явно в бедственном положении, и от хорошей жизни не натягивают на себя грязную тельняшку с нашитым погоном, ни настоящие морпехи ни шапочные. Так что какая разница, кому ты подал? Именно что, тому кто нуждается. И если лишний раз,

Я стал молиться как мог: чтобы не осудили меня сверху за этот поступок, и помогли ему, офицеру – достойному – и погон и совести.

По приходу в монастырь я сразу опустил в ящик свои кровные. Чтобы как-то ему передалось это. Очень хотелось

ему помочь! Не именно даже деньгами! В жизни, по жизни. Но я не знал, даже, и как. Ведь он уже в таком состоянии. Да, ведь не нам решать, – оборвал я себя. Главное свой зов сердца отправить по назначению. А невозможного нет!

Зайдя в трапезную, попить чаю с мороза, я, взяв какой-то сладкий пирожок, и разместившись перед окном, тут же вспомнил нищего, – вот кому бы сейчас горячего. Не сумев больше сделать и глотка, оставил пластиковый стаканчик на столешнице перед окном.

Когда шел назад, «морпеха» уже не было. Мне показалось, что я больше его никогда не увижу. Так оно и вышло. Но память осталась. И когда я снова иду в Даниловский, то всегда думаю о нем. И, сначала, надеялся, что вновь увижу его. А потом – что, все же, может повезло ему, выбрался он из ужаса? Кто знает?

А жалеть я себя меньше стал. Что, и, к лучшему, вышло.

11.02.2017

Гетта Маркеловская Слепая поэтесса-христианка

Тайна воинов Руси

Сколь убитых, а иные в ранах
И лишь я один,
С поля боя уходить мне рано,
Я – Руси священной сын!

Конь мой белоснежный и отважный
Вынесет меня живым,
Победить врагов мне очень важно, —
Мир и радость принесу своим!

Будет, будет мной Отечество гордиться,
Но не в этом соль,
Верю, верю я, что скоро
Прекратится в Землях Русских боль!

17 февраля 2019 – Генриетта (мГю)

Мы – Божья армада (ответ на воинство «фанатов»)

Мы – Божье войско, тем сильны,
Нам Он даёт и Свет и Разум —
Пустые споры не нужны,
Сие мы пресекаем разом!

Мы смело в будущность глядим:
Бояться нечего с Всевышним,
А «философский» лёгкий дым —
Гляди, он был... и вдруг весь вышел!

Про вас... не станем рассуждать:
Вам страшно жить, – ну, не живите ...!
Не смейте же себе Вы лгать —
Ведь пустоте принадлежите.

Да! Вас Всевышний сотворил,
Но вы – лишь брошенный кутёнок,
И чужд вам этот светлый дым
Зла неразумного ребёнка...

О! Как прекрасен Божий мир
И в нём нас «глупеньких» – «Армада»,
Знать для кого-то вечный Пир,

Ну, а кому-то – То не надо...

Живёте же, лелея страх, —
Вам так светлее может стать
Ведь выгодней в своих мечтах:
Разумным, честным вам оставаться!

За сим откланяться спешу
И глупых споров не приемлю!
Ни философию пишу,
Необъяснимое – объемлю!

18 февраля 2019 – Генриетта (мГю)

Какие они: Защитники?!

Но не только в битвах огневых!
Не с ружьём или ручной гранатой
Защищают слабых и больных
От жестокости и зла солдаты.

Тот солдат, кто защитить сумел:
Бабушку, котёнка и ребёнка,
Шквал жестокости пресечь сумел —
Беспредел отверг уверенно, неробко!

Вытащить из зверского огня
Иль завалов рухнувшего дома —
Вам сегодня Солнечного Дня!
Жизни, только мирной, без излома!

Милые защитники страны,
В вашу честь звучат сегодня песни:
Да не будет никакой войны,
Тяжких и безрадостных известий!

20 февраля 2019г. – Генриетта (MGЮ)

Звёзды отваги

Мужчины, победившие войну,
Отважно защищавшие страну —
От сердца Вас мы нынче поздравляем!
В честь Вас бокал вина мы выпиваем...

Солдат и офицер и генерал,
Матрос иль юнга, мичман, адмирал —
Желаем Вам Здоровья долгих лет,
Прожить в любви, достатке и без бед!

Пусть Солнце Вам дорогу освещает,
А душу лишь Всевышний наполняет!
И сердце не болит и не щемит,
Лень, скука – никогда не посетит!

Желаю только радости, без слёз
И дарим Мир и миллиарды звёзд!

23 февраля 2018г. – Генриетта (МГЮ)

Елизавета Осень

Три танкиста

Они все погибли. В своем первом и последнем бою.

Пройдет время. О них напишут книги. О них будут сложены песни. Это все будет потом...

Август... Жаркий донбасский август 2014-го. Солнце жжет не милосердно. Идет бой. Бой за подступы к Луганску. Народные ополченцы практически без оружия. В дело идут спортивные и охотничьи ружья. С постаментов начали снимать танки, принимавшие участие в Отечественной.

Но вот захвачен танк Т-64. Его удалось доставить в Луганск. Ополченцы – это бывшие шахтеры, металлурги. Это не профессиональные военные. Они еще не умеют управлять боевыми машинами. А они так нужны! С охотничьим ружьем против тяжелой техники много не навоеешь.

Ремонтировать заглохший Т-64 некому. Танк стоит в городе. Подходит пожилой мужчина. По-видимому, в прошлом афганец. Он знает толк в такой технике. И вот проблема устранена. Но экипажа нет. И взять не от куда. А кольцо вокруг Луганска замыкалось...

Дед звонит своим друзьям. Бывшим сослуживцам? И вот они уже втроем в трофейном танке. Три танкиста. Три де-

да. Три «афганца». Танк спешит к Хрящеватому, в который входят войска ВСУ. Впереди идет вражеская пехота, ее прикрывают четыре танка «незалежной». Бой предстоял неравный, но иного выбора не было.

Танк стал посреди дороги. И первым открыл огонь.

Первый выстрел и первое попадание. Один вражеский танк подбит. Второй выстрел-нет второго танка ВСУ. Но танк «афганцев» стоит среди пустой дороги, на виду, без укрытия. На это не было времени. От украинского снаряда заклинило башню. Вести прицельную стрельбу нет возможности. Поэтому следующим снарядом задета только гусеница третьей вражеской машины. Неравный бой продолжается. И вот броня пробита. Танк погиб. Погиб экипаж. В первом и последнем бою. Не дрогнув. Не отступив. За родную землю.

Так и оставшись безымянным.

Подоспело ополчение. Перешли в наступление. Танк выиграл на это время.

Он покрашен в черный цвет. На нем всегда живые цветы. «Черный танк». Он навсегда перекрыл врагу подступы к Луганску. На все времена.

Проезжая мимо, остановись. Поклонись. Здесь стоит «Черный танк». Он бережет мир.

Екатерина Черняева

Защитникам Аджимушкая

Когда по улицам шагает
Великий и победный май,
Здесь камень слезы источает,
Молчит, скорбит Аджимушкой.

Среди песчаных солеросов
В просторах выжженных степей,
Здесь мужеством пропитан воздух

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.